

ГИЛБЕРТ ЧЕСТЕРТОН

ФОМА
ФРАНЦИСК
ОРТОДОКСИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

СВЯТОЙ ФОМА АКВИНСКИЙ

---

*Дороти Коллинз, без чьей помощи автор был бы еще
беспомощней, чем обычно.*

Вступление

Эта книга — только популярный очерк о великом человеке, который еще не слишком популярен у нас. Она достигнет цели, если те, кто едва ли слышал о святом Фоме Аквинском, захотят прочитать о нем другие, лучшие книги. Вынужденная краткость ведет к определенным последствиям, о которых я хочу предупредить сразу.

Во-первых, я пишу в основном для тех, кто не исповедует веру Фомы; я обращаюсь к тем, кому он интересен, как интересны мне Конфуций или Магомет. Но, рассказывая о нем, неизбежно приходится рассказать и о тех, кто думал не так, как он. Если пишешь о Нельсоне для иностранцев, нужно писать о том, что знает любой англичанин, и отбросить подробности, которые англичанин хотел бы знать. Однако будет трудно обойти тот факт, что Нельсон сражался с французами. Бессмысленно писать о святом Фоме, умалчивая о том, что он сражался с еретиками, хотя это может повредить тому, ради чего я пишу. Смею надеяться, что те, кто считает меня еретиком, не посетуют на меня, если я выражу свое мнение, тем более если я выражу мнение моего героя. Как бы то ни было, я скажу раза два, что раскол XVI века¹ был запоздалым мятежом пессими-

---

¹ Раскол XVI века — Реформация, пессимизм XIII века, — ересь альбигойцев. — *Здесь и далее примеч. Л. Сумм, Н. Трауберг.*

стов XIII, когда пуританство Августина едва не победило свободу Аристотеля¹. Если я этого не скажу, я не смогу показать место моего героя в истории. Но рисую я фигуру на фоне пейзажа, а не пейзаж с фигурками.

Во-вторых, в таком простеньком очерке я вряд ли скажу много о философе — в лучшем случае я дам понять, что у него была своя философия. Теологию его вообще изложить невозможно. Одна знакомая дама раздобыла книгу выдержек из святого Фомы и, преисполнившись надежд, углубилась в раздел под невинным названием «О простоте Бога». Потом отложила книгу, вздохнула и сказала: «Если это простота, что же такое сложность?» При всем почтении к ученым изданиям Фомы я не хочу, чтобы мою книгу откладывали со вздохом. Очерк жизни святого — введение в его философию, философия — введение в теологию. Мне дано немного: я помогу читателю взойти на первую ступень.

В-третьих, я не спорю с теми, кто перепечатывает страницы средневековых демонологий, надеясь утратить читателя незнакомым языком. Образованный человек должен знать, что святой Фома и все его современники, и все противники много веков спустя верили в бесов. В этом были согласны и протестанты, и католики, пока была хоть какая-то теология, и святой Фома отличался разве что своей умеренностью. Я не пишу о таких вещах не потому, что хочу их скрыть, а потому, что они не касаются того, о ком я пишу. И так очень трудно втиснуть такую громаду в маленькую книгу.

---

¹ Пуританство Августина едва не победило свободу Аристотеля — Честертон имеет в виду спор о свободе воли. Августин, как и кальвинисты (пуритане), верил, что спасение или гибель человека определяется свыше; Аристотель, напротив, утверждал, что человек свободен не только избрать свой путь, но и научиться правильному пути, избавиться от заблуждений.

Глава I

О ДВУХ НИЩИХ БРАТЬЯХ

Не так давно я написал небольшую книжку — примерно такую, как эта, — о святом Франциске Ассизском, а немного позже обещал написать о святом Фоме Аквинском не иначе, то есть не длиннее. Обещание мое под статью Франциску лишь по своей поспешности и никак уж не под статью логичному Аквинату. Можно создать очерк о Франциске; Фоме подойдет только план, подобный плану лабиринта. Об Аквинате надо писать очень много или очень мало. То, что мы действительно знаем о его жизни, легко уместится на нескольких страницах, ибо, в отличие от Франциска, он не растворился в преданиях и легендах. То, что мы знаем, или можем узнать, или могли бы узнать о его деле, вероятно, займет в будущем еще больше книжных полок, чем заняло в прошлом. Святого Франциска можно обрисовать одним штрихом; когда пишешь о святом Фоме, все зависит от того, как заполнишь контур. В очерке о Франциске есть даже что-то средневековое, как в миниатюрах, украшавших книги о том, у кого само имя — уменьшительное¹.

¹ У кого само имя — уменьшительное — в итальянской традиции святой Франциск именуется «Франческо», т.е. «Французик».

Бессловесный Вол¹ уместится в очерке не лучше, чем бык — в посудной лавке. И все же понадемся, что очерк такой возможен, особенно теперь, когда охотно берутся за очерки всемирной истории или всего на свете.

Я сказал, что портреты эти — только контуры. Но оригиналы так не похожи друг на друга, что, увидь мы их на вершине далекого холма, они показались бы нам до смешного разными, словно рядом стоят Дон Кихот и Санчо Панса в монашеских одеждах или Фальстаф и Мозгляк². Святой Франциск был маленький, сухонький, натянутый, как тетива, и стремительный, как стрела. Всю жизнь его кидало, швыряло — очертя голову ринулся он за нищим; сбросив платье, устремился в лес; ворвался в шатер султана и попросил себя сжечь. Наверное, он был похож на бурый осенний листок, пляшущий на ветру; похож он был и на ветер.

А Фома был тяжелый, как вол, толстый, медлительный и кроткий, очень кроткий и великодушный, но не слишком общительный. Застенчивость его была сильнее, чем того требует смирение, а рассеянность не пропадала и в промежутках между восхищениями, которые он тщательно скрывал. Франциск был так пылок и порывист, что служители Церкви, перед которыми он внезапно возникал, порой считали его безумным. Фома был так бесстрастен, что студенты, с которыми

---

¹ Бессловесный Вол — ниже Честертон рассказывает, что в годы учения святой Фома получил это прозвище, потому что товарищи считали его тупицей. Для Честертона это прозвище важно еще и потому, что, по преданию, вол и осел присутствовали при рождении Христа.

² Фальстаф — веселый толстяк, персонаж нескольких пьес Шекспира, в комедии «Виндзорские насмешницы» он сталкивается с Мозгляком.

он учился, считали его дураком. Он и впрямь принадлежал к тем немалочисленным школярам, которые готовы прослыть дураками, только бы дураки побойчее не мешали им думать. Франциск и Фома различны просто во всем. Франциск, как то ни странно, не доверял книгам, хотя пылко любил стихи. Фома книги любил, он ими жил; в сущности, он — тот школяр из Чосера, который предпочел бы сотню книг об Аристотеле всем сокровищам на свете¹. Когда его спросили, за что он больше всего благодарен Богу, он ответил: «Я понял каждую страницу, которую читал». Франциск прекрасно слагал гимны, обобщал — с трудом. Фома писал всегда, он обобщил и языческую, и христианскую словесность, а для отдыха слагал гимн. Одну и ту же проблему они видели с разных сторон, Франциск — просто, Фома — сложно. Франциск верил, что, если он откроет сердце басурманам, они тут же отрекутся от своего Магомета. Фома мучительно вдавался в тончайшие оттенки мысли, рассуждая об абсолюте или об акциденциях², только для того, чтобы магометане не ошибались, толкуя Аристотеля. Франциск был сыном лавочника или небогатого торговца; и хотя вся его жизнь была мятежом против торгашеской жизни отца, в нем самом были какая-то бойкость, приспособляемость, общительность — все то, из-за чего рынок гудит, как улей. Он очень любил луга, но, как говорится, не давал траве расти у него под ногами. Фома пришел из мира, где мог бы наслаждаться праздностью, и труд навсегда сохранил для него блаженство досуга. Он был на

¹ Школяр — один из персонажей «Кентерберийских рассказов» Чосера, о его страсти к Аристотелю говорится в Прологе.

² Акциденция — философский термин, означающий не-сущностное свойство (в отличие от субстанции).

редкость трудолюбив, но никому не пришло бы в голову счесть его деятельным. В нем были черты, отличающие тех, кто работает, когда вправе и не работать. Он родился вельможей, а любовь к покою может остаться привычкой, не будучи соблазном. У него были только лучшие черты знатных — врожденная учтивость, например, большое терпение. Прежде чем стать святым, каждый бывает просто человеком. Стать святым волен каждый человеческий тип, а мы вольны выбирать, какой нам ближе. И вот признаюсь: романтическая слава Франциска ничуть не меркнет для меня, но с годами я все больше люблю грузного человека, несомненно, обладавшего и милостью, и мудростью, как обладают наследственным замком, и гостеприимно, хотя и рассеянно, делившегося ими. Святой Франциск — не от мира сего; и все же, иногда, он слишком для меня боек.

Интерес к святому Фоме возник внезапно в наших колледжах и салонах — вряд ли он мог возникнуть даже десять лет назад, и причины, породившие его, совсем не те, что породили лет на двадцать раньше интерес к святому Франциску.

Святой исцеляет, ибо он — противоядие. Он и мучеником становится, потому что противоядие мучительно, как яд. Обычно он возвращает миру здоровье, превеличивая то, о чем мир забыл, в каждом веке — разное. Каждое поколение ищет своего святого и, ведóмое чутьем, находит не того, кого хотело бы, а того, кто нужен. «Вы — соль земли», — сказал Христос первым святым¹. Теперь мы так превратно понимаем эти слова, что бывший кайзер² применил их к своим подданным,

¹ Мф. 5:13.

² Бывший кайзер — Вильгельм II (1859–1941), германский император (1888–1918).

куда больше похожим на бифштекс. Но соль предохраняет мясо от порчи не потому, что на него похожа, а потому, что она — совсем иная. Христос не говорил апостолам, что они прекрасные люди и других хороших людей на свете нет. Он сказал, что они особенные, что они не похожи на всех, потому эти строки остры и резки, как сама соль. «Если соль потеряет вкус, чем сделаешь ее соленою?» Вопрос этот намного более жесток, чем сегования на то, что хорошее мясо дорого и его нелегко найти. Если мир становится слишком мирским, Церковь бросает ему вызов. Если слишком мирской становится Церковь, миру этот вызов не по плечу.

Парадокс истории в том, что каждое поколение людей спасает святой, ничуть на них не похожий. Викториа́нцев странно и неудержимо влекло к святому Франциску — их, англичан XIX века, казалось бы, вполне довольных своей торговлей и своим здравомыслием. Не только вполне благодушный Мэтью Арнольд, но те либералы, чье благодушие было для него чрезмерным, медленно открывали тайну Средневековья сквозь перья и пламя странной легенды, рассказанной Джотто¹. Что-то в святом Франциске пробило самые известные и нелестные свойства английской души, и вышли на поверхность другие, лучшие — скрытая доброта, мечтательная рассеянность, любовь к животным и пейзажам. Святого Франциска, единственного из средневековых святых, полюбили у нас за личные качества. Викториа́нцы почувствовали, что именно этих добродетелей не хватает их эпохе. Наш «средний класс» обрел своего миссионера в том, кого особенно презирал, — в нищем итальянце.

---

¹ Джотто ди Бондоне изобразил Франциска беседующим с птицами.

Девятнадцатый век ухватился за романтику францисканства, потому что в нем самом романтики не было. Двадцатый хватается за разумное богословие томизма, потому что в нем самом нет разумности. В чересчур благодушный мир христианство вернулось в образе бродяги; в мир, сходящий с ума, оно возвращается в образе учителя логики. Современники Герберта Спенсера искали лекарства от несварения, современники Эйнштейна ищут лекарства от головокружений. Наши деды смутно почувствовали, что Франциск сложил гимн солнцу после долгого поста; мы чувствуем не менее смутно: прежде чем понять Эйнштейна, надо поверить, что вообще стоит понимать. Мы начинаем наконец догадываться, что если XVIII век считал себя веком разума, а XIX — веком здравого смысла, то XX может назвать себя разве что веком нездоровой бессмыслицы. В таких случаях миру необходим святой, но прежде всего необходим философ. Отдадим поколениям должное — и прежде, и теперь они выбрали правильно. Земля была слишком плоской для тех, кто особенно рьяно утверждал, что она кругла, и Альверно — гора стигматов возвышалась на ней, как на равнине. Для тех, кто отверг Ньютона заодно с Птолемеем¹, земля вообще не земля, а непрерывное, бессмысленное и, видимо, бесконечное землетрясение. Им уж не до гор — кусочек устойчивой почвы под ногами невероятней для них, чем любая гора. Так двое святых воззвали к двум векам, к веку романтиков и к веку скептиков. Но и в своем XIII веке они делали то же дело, и оно изменило мир.

---

¹ Птолемей Клавдий (90–160) — древнегреческий астроном, создатель геоцентрической системы мира.

Могут сказать, что все наше сравнение ни к чему, потому что эти два человека принадлежали к разным поколениям и жили, собственно говоря, в разное время. Небесными близнецами¹ были святой Франциск и святой Доминик. Святого Франциска и святого Фому можно назвать в крайнем случае дядей и племянником. Святой Фома был истинным первенцем Доминика, как друг его, Бонавентура, был первенцем святого Франциска. И все же у меня есть причина (точнее, две причины) сравнивать святого Фому именно со святым Франциском, а не с Бонавентурой-францисканцем. Это сравнение приводит нас самым коротким путем к вопросу о жизни и деле Аквината. Большинство людей грубо, но довольно четко представляют себе жизнь и дело Франциска. И легче всего рассказать о другом монахе, если скажешь: как бы ни отличались друг от друга эти двое святых, они делали одно дело: один — в мире разума, другой — в мире обычной жизни. Но это было одно и то же великое дело, которое так и не поняли в Новое время. Оно было важнее Реформации. В сущности, оно и было реформацией.

Когда мы говорим об этом движении Средневековья, мы должны в первую очередь подчеркнуть две его особенности. Во-первых, несмотря на все, что наговорили о суевериях, Темных веках и сухой схоластике, это движение, в любом смысле слова, вело к большому свету и даже к большей свободе. Во-вторых, несмотря на все, что наговорили о прогрессе и Возрождении и о предтечах современной мысли, это движение почти всегда было правоверным, христиан-

---

¹ Небесные близнецы — в греко-римской мифологии сыновья Зевса Кастор и Поллукс, превратившиеся в созвездие Близнецов. В переносном смысле — неразлучная пара.

ским, оно шло изнутри. В нем не было компромисса ни с миром, ни с язычниками или еретиками. Оно было подобно растению, которое пробивается к солнцу, а не узнику, который выпускает дневной свет в тюремную камеру.

Короче говоря, это было то самое, что называют развитием доктрины. Теперь не совсем понимают термин «развитие». Противники католического богословия, кажется, полагают, что оно не столько развивает христианство, сколько бежит от него или, в лучшем случае, приспособливает его к чему-то другому. Но слово «развитие» значит совсем не это. Когда мы говорим, что щенок развивается, мы совсем не имеем в виду, что он пошел на компромисс с кошкой, — мы просто хотим сказать, что он становится собакой. Когда мы говорим, что ребенок хорошо развит, мы хотим сказать, что он стал больше и сильнее, а не что его обложили подушками и поставили на ходули. Развитие — это развертывание всех возможностей доктрины. Развиваясь, средневековая теология все полнее постигала христианство. Это очень важно понять, потому что общее дело великого доминиканца и первого францисканца, в высшей степени гуманного и естественного, было истинным развитием высшей доктрины, догмы всех догм. Вот почему народная поэзия Франциска и почти рационалистическая проза Фомы — части одного дела. И та и другая — великие ветви католического древа, и зависели они от внешних явлений постольку, поскольку все новое и растущее зависит от них, — они всасывали их и преображали, но продолжали расти в своем собственном образе, а не в чужом. Святой Франциск был рад называть себя трубадуром Господним — но его не радовал бог трубадуrows. Святой

Фома не примирял Христа с Аристотелем — он примирил Аристотеля с Христом.

Да, несмотря на контраст, столь же явный и смешной, как контраст между толстым человеком и тощим или между высоким и низеньким; несмотря на контраст между бродягой и ученым, между нищим и вельможей, между противником книг и их поклонником, между самым пылким из миссионеров и кротчайшим из учителей, великая истина Средневековья заключается в том, что оба они делали одно дело: Франциск — на улице, Фома — в келье. Они не вносили в христианство ничего внешнего, еретического, языческого — они несли христианство в мир и при этом использовали то, что многим казалось ересью или язычеством. Франциск обратился к природе, Фома — к Аристотелю; и многим казалось, что они поклонились языческой богине и языческому мудрецу. Что сделали они, особенно что сделал Фома, я и собираюсь рассказать. Но я сравниваю его с самым популярным из святых, потому что так проще всего популярно изложить суть дела. Может быть, покажется слишком парадоксальным, если я скажу, что эти двое святых спасли нас от излишней духовности (страшная участь!). Может быть, меня не поймут, если я скажу, что святой Франциск, при всей своей любви к животным, спас нас от буддизма, а святой Фома, при всей любви к грекам, спас от Платона. Но лучше высказать истину в самой простой форме. Они заново утвердили Воплощение, вернув Бога на землю.

Мы еще увидим, что чисто духовная или мистическая сторона веры заняла слишком большое место в первые века христианства благодаря гению Августина, который прежде был платоником и, может быть,